

УДК 930.1(470)+316(091)
ББК 63.1(2)5-8+60.51(2)52

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.М. КОВАЛЕВСКОГО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ¹

Николаев Николай Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института
niksam@mail.ru
ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрыты миротворческие взгляды известного историка, социолога и правоведа М.М. Ковалевского в начале XX века. Проанализирована социологическая концепция солидарности, через призму которой ученый рассматривал проблематику войны и мира. Представлены оценки Ковалевским крупнейших военных конфликтов начала XX века.

Ключевые слова: война, мир, милитаризм, пацифизм, миротворчество.

Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – выдающийся российский историк, юрист, социолог. К началу XX в. он был уже всемирно известным ученым, членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук (с 1914 г. – действительный член), а также ряда иностранных академий и институтов. При этом Ковалевский вел активную общественную и политическую жизнь, был депутатом I Государственной Думы и членом Государственного совета [23, с. 19–26]. Куда меньше известно о миротворческих взглядах ученого, который между тем стоял у истоков пацифистского движения в России. Можно отметить лишь небольшую статью исследовательницы А.Х. Матиевой. Однако ее объем предполагал лишь описание внешней канвы миротворческой деятельности

Ковалевского, без глубокого анализа его пацифистских воззрений [21]. В декабре 1909 г. было создано Санкт-Петербургское отделение Общества мира, возглавить которое было предложено именно Ковалевскому [22, с. 133]. В своих воспоминаниях он не без некоторого тщеславия указывал на то, что его многочисленные «председательства» были следствием как идейного неконформизма, так и занимаемого высокого положения, служившего некоторой гарантией защиты руководимых им обществ от придинок официальных властей. «Берусь я за все это, – писал Ковалевский, – по недостатку людей, защищенных своим положением от мелочной привязчивости полиции в разных ее видах, вплоть до градоначальника» [10, с. 413]. Впрочем, своя «корысть» имела и у организаторов

общества мира, так как общественный авторитет и общепризнанные высокие человеческие качества М.М. Ковалевского служили своеобразной «визитной карточкой» пацифистского движения, привлекавшей в его ряды новых членов. Сохранились письма ученого, в которых он приглашал принять участие в работе Общества мира видных представителей отечественной интеллигенции. В числе приглашенных следует отметить таких известных российских правоведов, как В.Э. Грабарь, А.С. Яценко, С.А. Котляревский, Л.А. Камаровский и др. [22, с. 133].

Сам ученый полагал, что председательство в Санкт-Петербургском отделении Общества мира позволило ему «не раз выступать в прениях по вопросу тех ужасов, какими должна сопровождаться война при современных условиях техники» [10, с. 415]. Ковалевский старался направить деятельность общества в конструктивное русло, обсуждая насущные проблемы международной жизни. «Я поэтому охотно поднимал сам, – вспоминал он, – или приглашал других к постановке таких вопросов, как вопрос о свободе проливов и, в частности, Константинопольского и Дарданелл, вопроса о морской Лондонской конвенции, поставившей себе задачей регулировать правила морской войны, вопрос о защите армянского населения Турции от курдов и турок и назначения с этой целью комиссаров или губернаторов из крестьян, вопрос о нарушении начал международного права во время Балканской войны и т. д.» [там же, с. 416].

Миротворческая деятельность Ковалевского снискала ему международную известность. В качестве представителя Государственной Думы он участвовал в работе Межпарламентской Конференции мира. На XIX Всеобщем конгрессе мира в Женеве в 1912 г. Ковалевский был избран вице-президентом [2, с. 193]. По приглашению правительства Великобритании он участвовал в работе Верховного трибунала, созданного для разрешения территориальных споров между США и Канадой. По словам современника, Ковалевский являлся «принципиальным противником войны и сторонником разрешения различными мирными способами всевозможных международных конфликтов и недоразумений». Однако это не мешало ему одновременно выступать за по-

вышение обороноспособности страны и увеличение военных ассигнований накануне Первой мировой войны [3, с. 39].

Миротворческие взгляды ученого необходимо рассматривать в контексте его генетической социологии, в рамках которой он сформулировал учение о солидарности. «... Всякая группа, – утверждал Ковалевский, – будет ли ею муравейник, пчелиный улей, птичья стая, оленья стада, или орда кочевников с необходимым подразделением на более тесные союзы хотя бы временно сожительствующих мужчин и женщин, прежде всего является замиренной средой, из которой устранен элемент борьбы, место ее занимает солидарность, или *сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга* (курсив наш. – Н. Н.)» [17, с. 63]. Замиренная родовая организация, заинтересованная «сколько возможно увеличивать число собственных членов», преобразовалась в более сложные социальные структуры [18, с. 98–99]. Позднее на основе солидарности появились такие регуляторы общественных отношений, как мораль, религия, право и пр. Соответствующим образом, государство также образовалось в результате стадийного развития чувства солидарности, опиравшегося на динамично расширяющуюся сферу замиренности.

Таким образом, от союзов бродячих орд, через родовые организации и неразделенные семьи область солидарности расширилась до племенных федераций, которые, в свою очередь, объединенные завоеванием, образовывали «одно политическое целое – государство». Позднее, под влиянием универсалистских религий и международного торгового обмена, сфера солидарности охватила уже народы и государства, кардинально меняя прежние представления о праве и справедливости. В результате, прежде всего произошел качественный рост гуманизма, и «взамен прежнего воззрения на чужестранца как на врага, против которого все дозволено, постепенно развивается представление о поставленном под защиту собственного очага и потому неприкосновенном госте, брате-единоверце, тронуть которого не позволяет никакая воля Божья и голос совести» [17, с. 64]. В средние века пространство солидарности расширилось благодаря общим христианским ценностям и

существованию пусть и аморфной, но объединяющей значительную часть Западной и Центральной Европы Священной Римской империи. Следующий этап солидарности ученый связывал с распадом феодального строя и церковного (католического) единства. В этот период рост солидарности проявлялся «в создании политических тел из разрозненных княжеств и городских республик, объединенных общностью языка и национальности, экономическими интересами и готовностью к общей политической жизни». Зримым выражением этой стадии социогенеза стало образование крупнейших европейских наций. Ближайшее развитие человеческой солидарности виделась Ковалевскому в возникновении национальных и федеральных союзов, объединение которых в единый международный союз стало бы «завершением всего процесса развития и конечным упрочнением идеи единства человеческого рода» [14, с. 259–260].

Таким образом, как нравственный и политический принцип солидарность эволюционировала от родового единства к патриотизму и, наконец, космополитизму. При этом чувство солидарности было неотделимо от «неотъемлемых прав личности», которые формировали его ценностное содержание [17, с. 64]. Следовательно, солидарность выступала не только как важная составляющая обретения людьми общественно-политической организации, но и в качестве необходимого условия формирования норм морали и права.

Вопросы войны и мира в историко-социологическом учении Ковалевского были тесно связаны с идеей прогресса, который рассматривался им как важнейший закон социальной жизни. В содержательном отношении прогресс представлялся ему как постоянное расширение зоны солидарности и замиренной сферы. Ученый образно сравнивал прогресс с концентрическими кругами, которые олицетворяли собой непрерывно расширяющуюся человеческую солидарность [16, с. 82].

На международном уровне этот процесс воплощался через создание союза государств. Истоки подобных объединений Ковалевский видел еще в эпоху Средневековья, когда существовала Священная Римская империя. С ее исчезновением забота о «поддержании международного согласия и мира пала на со-

язы великих держав». Первым из них появился Священный союз, в дальнейшем его сменили противостоящие друг другу военно-политические альянсы – Тройственный союз и Антанта. «Новая система противовесов, – считал ученый, – послужила к обеспечению мира, но под тяжким условием напряжения всех финансовых сил государств для создания небывалых еще армий и флотов» [14, с. 254–255].

Ковалевский не давал читателям ответ, насколько скоро континентальный дуализм сменится полноценным союзом европейских государств. Однако он полагал, что формальное объединение, разумеется без создания наднационального правительства, вполне реальный геополитический проект. Создание такого союза было не только способно сохранить и упрочить международный мир, но и упорядочить развитие мировой торговли и промышленности. Межгосударственные конфликты, гражданские войны, центробежные тенденции, которые продолжали сотрясать Старый Свет, виделись ученому временной и досадной помехой объективному стремлению европейских стран к объединению. В пользу реальности этого процесса свидетельствовали – развитие третейского разбирательства, плодотворная работа двух мирных Гаагских конференций, распространение пацифистских идей в обществе и политических кругах. Таким образом, по мнению Ковалевского, «политическая эволюция народов и государств сказывается не в одном только смягчении ужасов войны, но и во все более и более частой замене ее соглашением заинтересованных при прямом или косвенном участии всех, некоторых или одного какого-либо члена международного союза» [там же, с. 255–256].

Политический прогресс означал и изменение образа врага. Если на заре человеческой истории государственная власть видела врага в любом проявлении политической независимости, то по мере общественно-политического развития это понятие стало употребляться лишь по отношению к враждующим участникам военных действий. Одновременно в политическое сознание пришло четкое понимание того, что жертвовать «благами мира» можно лишь в исключительных случаях, когда под угрозой находится государствен-

ная самостоятельность и целостность [14, с. 256–257].

Важнейшим условием обеспечения международного мира Ковалевский считал свободу торговли. Протекционистская политика и торговая автаркия таили в себе «семя международных раздоров и войн». Если столкновения между государствами зачастую вызывались борьбой за новые рынки сбыта, то для их прекращения, естественным образом, следовало проводить политику «открытых дверей». Вовлеченность в мировой хозяйственный оборот сама по себе обеспечивала не только большую экономическую свободу, но и враждебное отношение к открытым нарушениям мира. «Судьбы мира, – констатировал автор, – таким образом, тесно сплетены с судьбами торговли» [там же, с. 257].

В своих прогнозах политического будущего человечества ученый был демонстративно оптимистичен. Политический прогресс, в конечном счете, приведет не к созданию мирового государства, а «автономных политических тел», вступавших между собой в постоянные союзы или федерации и «побуждаемых к сохранению мира хозяйственным расчетом, заботой о возможном развитии своего производства путем расширения обменов». Международный союз опирался бы на существование автономных государств, скрепленных не столько единством языка или веры, сколько единым историческим прошлым и общностью интересов. Каждое из этих «автономных тел», федеративное или централизованное, должно функционировать на принципах народного представительства и соблюдения прав человека. «Будущее рисуется мне, – с воодушевлением писал Ковалевский, – ... в форме прочной гармонии не только частных лиц и отдельных групп, входящих в состав единого национального и государственного целого, но и как постоянное согласие и взаимное содействие в мировом хозяйстве самостоятельных государств и их союзов» [там же, с. 258–259].

Ученый негативно относился к попыткам обосновать историческую неизбежность и, тем более, необходимость военных конфликтов для поступательного развития человечества. Резкой критике он подверг знаменитую книгу австрийского социолога Л. Гумпловича

«Война рас», в которой доказывалась идея необходимости войн для общественного прогресса. Ковалевский соглашался с тезисом Гумпловича о том, что на раннем этапе человеческого общежития отношения между отдельными родами были зачастую далеки от миролюбия. Однако если рассматривать все человеческое прошлое через призму гоббсовской «войны всех против всех», не без иронии отмечал он, то удивительным представлялся сам факт выживания человечества. В действительности в первобытный период межродовые конфликты носили скорее характер нерегулярного отмщения, нежели «воинственных походов и повальных истреблений» [16, с. 109–110]. Не менее принципиальными Ковалевский считал свои расхождения с известным социологом и юристом М.А. Вакаро, стоявшим на позициях биологического редуционизма. Он соглашался с итальянцем, увязывавшим социальный прогресс с процессом приспособления, однако в последнем видел не борьбу людей между собой, а расширение «тех первичных сфер солидарности, без которых немислим был бы самый рост общества». Иными словами, Ковалевский усматривал в истоках человеческого общежития мир, в то время как его заочный оппонент полагал, что в его основах лежал конфликт [там же, с. 384–385].

В то же время ученый достаточно резко отзывался о сторонниках радикального пацифизма, прежде всего Л. Н. Толстом. Ригоризм и этический максимализм великого писателя, отрицавшего официальную церковь, государственную власть и считавшего их главным препятствием установления «мира и братства народов и индивидов», конечно, не мог найти понимание и поддержку у Ковалевского. Ученый категорически не соглашался с толстовским неприятием любого конфликта, считая, что во всемирной истории, в том числе и российской, «были войны необходимые». Например, сражение при Пуатье Карла Мартелла или Куликовская битва Дмитрия Донского стали судьбоносными для человечества, помешав исламу «превратить в чистую доску христианскую цивилизацию». Пока существовали угнетенные нации, их стремления к свободе и независимости следовало оценивать как благородные порывы, которые невозможно было осуждать. Якобы антиреволюционная

теория непротivления злу насилieм, в действительности, по мнению Ковалевского, производила «полное потрясение в социальных слоях человечества». Еще более критически отзывался он о толстовской идее отказа от военной службы, которую находил, по меньшей мере, неэффективной [9].

В период между русско-японской и балканскими войнами Ковалевский активно выступал с публицистическими работами, в которых активно пропагандировал отказ от войны и прекращение гонки вооружений [1, с. 25]. Размышления этого времени были проникнуты оптимизмом, порой безоглядной верой в моральный и культурный прогресс человечества. Ученый считал, что уже, вероятно навсегда, исчезли приносившие в прошлом столько бедствий проекты всемирных империй, насильственного сближения рас и народов, навязывания кому бы то ни было чужой культуры. «Мир поуменел» – решительно констатировал он. Теперь человечеству стали чужды не только войны из-за династических и религиозных интересов, но и с целью простого расширения границ и увеличения народонаселения. Однако если дело доходило до вооруженного столкновения, то главной причиной выступала торгово-экономическая конкуренция за новые рынки сбыта. Но и эти конфликты можно уже было вполне урегулировать без всякого кровопролития, используя посредничество и третейское разбирательство. Разумеется, никакое посредничество или арбитраж не смогли бы урегулировать конфликт, когда на кону стояли самостоятельность народа и его самоопределение. Однако, помимо этих, вполне справедливых, по мнению Ковалевского, причин для войны, существовало множество других, из-за которых «легко завязывается распря, на многие годы прекращающаяся возможность мирного обмена, а иногда и переходящая сразу или в конце концов во враждебные действия». Именно данную категорию конфликтов и помогали урегулировать или даже не допустить общества мира. Ученый призывал поддержать миролюбивую деятельность Московского Общества мира и его отделений. «Оно не помешает русским людям, – уверял автор, – постоять в случае нужды за самостоятельность и честь своей родины, жертвуя им жизнью и достоянием; но оно способно предупредить военные авантюры хотя бы выяснении

ем того, что в том или другом их исходе не замешаны существенные интересы государства и нации» [8, с. 4–5].

Будучи членом Государственного совета (с 1907 г.), Ковалевский и на его заседаниях выступал с миротворческими призывами. Так, он весьма резко и язвительно, щедро пересыпая свою речь ссылками на Святой Писание, прокомментировал критику некоторых членов Госсовета относительно включения в хрестоматии для сельских школ антивоенных текстов. «Не решитесь ли вы утверждать, – риторически вопрошал Ковалевский, – что христианину не следует быть озабоченным “о мире всего мира”, что христианин непременно должен любить войну и ему не позволено мечтать о наступлении в отдаленном будущем таких порядков, при которых люди и народы жили бы в полном согласии между собой» [13, с. 50].

Пристальный интерес ученого вызвали балканские войны, в оценке которых он оказался весьма далек от миролюбивых призывов. Ковалевский полагал, что освобождение Македонии от турецкого господства должно создать «благоприятные условия для упрочнения мира» и создания федерации югославянских народов [10, с. 416]. Первые вооруженные столкновения на Балканах он встретил с энтузиазмом, призывая Российское правительство и общественные круги помочь братским народам в их национально-освободительной борьбе. Простая человечность, единство крови и веры требовали, чтобы русский народ не оставался «молчаливым зрителем завершительного акта героической борьбы за права человека и свободу народного самоопределения». Предвидя возможные обвинения в идейной непоследовательности, Ковалевский говорил о примате гуманизма над пацифизмом. Не дело миротворцев, как считал он, убеждать жертвы турецкого произвола в необходимости их мученичества ради мнимого спокойствия Европы. «Преданность идее мира, – утверждал ученый, – не требует от нас того, чтобы мы, заботясь о его сохранении, жертвовали человеческими правами. Ведь при их нарушении никакой прочный мир не мыслим» [12, с. 328–329].

Симпатии российского общества к славянской коалиции были продиктованы надеж-

дой, что первая балканская война создаст условия для продолжительного спокойствия и мира в регионе. «Сторонники мира, – признавал ученый, – могли поэтому быть сторонниками установления, хотя бы и мечом, порядков, обеспечивающих свободу и равноправие национальностей» [4, с. 3]. Главной целью восточной политики России было установление на Балканах долгосрочного и крепкого мира путем освобождения угнетенных славянских народов. Опасения у Ковалевского вызывало стремление ряда великих держав видеть в происходивших событиях коварные происки России, ее якобы страстное желание овладеть с помощью балканских союзников черноморскими проливами. Успехи антитурецкой коалиции он призывал не преувеличивать, а главное – не видеть в ней повода для столкновения России и Австро-Венгрии, что неизбежно вызвало бы общеевропейскую войну [19, с. 199–200]. Вместе с тем, приветствуя в принципе мирный вариант разрешения региональных противоречий, ученый одновременно в русле «realpolitik» деятельно «раздавал» европейские провинции побежденной Турции членам балканского союза [там же, с. 207–222].

Впрочем, начало второй балканской войны изменило настроения ученого, не скрывшего своего разочарования славянскими раздорами. Он призывал Россию, как сильнейшее славянское государство, выступить в роли «честного маклера в пограничных раздорах Болгарии с Румынией», а также умерить претензии Австрии в «интересах европейского мира» [1, с. 23]. Ковалевский оценивал происходившие на Балканах события как измену общим интересам славянства, вопиющее нарушение прав человека, угрозу для европейского мира и посягательство на столь много обещавший балканский союз [4, с. 3]. Особенно возмущало автора политическое усиление неславянской Румынии, готовой открыть доступ в Черное море «не только торговым, но и военным судам всего света» [там же, с. 5]. Вступление Бухареста в войну с Болгарией ученый называл неслыханным вероломством. «Или в отношениях народов между собою, – гневно спрашивал он, – призваны господствовать одно коварство и грубая сила? К чему послужили вековые усилия народов Европы и Америки над созданием общечеловеческой граждан-

ственности и условий мирного сожития самостоятельных, свободно определяющих свою судьбу наций?» [15, с. 11–12]. Ученый призывал заклеить румынское вторжение как предательство, а России и всей Европе поднять «свой голос против новых нашествий и кровавых безумий» [там же, с. 13–14].

Начало Первой мировой войны стало для Ковалевского отчасти ожидаемым, но от того не менее неприятным сюрпризом. По словам ученого, он предчувствовал, что Российское правительство «готовит войну с членами Тройственного союза», однако полагал, что обострение отношений придется на 1917 г., в связи с окончанием масштабного перевооружения отечественной армии и флота [10, с. 418]. В результате, Ковалевский неожиданно для себя оказался в положении интернированного в австрийском Карлсбаде, куда приехал на лечение. «Привычка думать, что разум управляет миром, – с горечью вспоминал ученый, – ввела меня в заблуждение, последствием которой было то, что я сижу в настоящее время в Карлсбаде в положении какого-то не то гражданского пленного, не то поручителя, с отобраным паспортом и обязательством еженедельно являться в полицию» [там же, с. 418].

Вызволненный из фактического плена, благодаря широкой общественной поддержке, ученый погрузился в кипучую научную и общественно-политическую деятельность, читал лекции, участвовал в работе многочисленных совещаний. Сразу став на патриотические позиции, он активно выступал в печати с научно-популярными статьями, призванными подчеркнуть оборонительный характер конфликта для стран Антанты. Противную сторону Ковалевский обвинял в нарушении принципов международного права, несоблюдении моральных норм и правил цивилизованного поведения [20]. Ученый «ринулся» на словесную защиту не только России, но и ее союзников. Он отвергал как надуманные обвинения Германии в том, что именно Великобритания виновна в пожаре мировой войны. Ковалевский указывал на настойчивое желание Лондона после сараевского убийства примирить противников и не допустить вооруженного конфликта. В то же время Германия, отказавшись принимать миролюбивые предложения Великобритании и не пожелав успокаивающе воз-

действовать на союзницу, стала истинной виновницей разразившейся катастрофы [5, с. 265–271]. «Где же искать причин того, – задавался вопросом Ковалевский, – что Германия – страна Канта и Гёте, страна великодушных романтиков и идеологов, страна, мечтавшая о свободе и вечном мире, – превратилась в тот очаг реакции и милитаризма, каким она является в настоящее время?» [там же, с. 284]. Ответ, по его мнению, лежал в самой природе созданной в 1871 г. германской государственности, объединенной Пруссией «железом и кровью». Таким образом, традиции прусского милитаризма не только впитались в политическую и общественную культуру Германской империи, но стали в ней доминировать. Если идеалом английского политического устройства было создание правового государства («Rechtsstaat»), то для немцев эталоном являлось создание государства военизированного («Kriegsstaat»). Свою печальную лепту в формирование у германской молодежи психологии, основанной на силе и видящей в ней единственный источник права, внесли современные философы (Ф. Ницше) и историки (Г. Трейчке), проповедовавшие идеи немецкого первенства и рассматривавшие войну как необходимое условие прогресса. При этом в культурном коде германской экспансии отсутствовали идеи «распространения в мире демократических порядков, народного самоуправления, свободы самоопределения и, еще менее, свободы самоопределения для отдельных этнических групп, свободы усовершенствования и развития их культурных особенностей» [там же, с. 284–290].

Крайне сомнительно, по прогнозам Ковалевского, что Германия выйдет из навязанного ею столкновения европейским народам той мировой державой, что она рассчитывает. Австрию ждал распад и окончательное подчинение венгерским интересам. Германия, скорее всего, потеряет Эльзас и Лотарингию (хотя подобные размышления автор находил несколько преждевременными) и западно-польские области [там же, с. 291].

Немало резких слов ученый находил для характеристики экспансионистских планов Берлина, и прежде всего тех выступлений, с которыми в начале войны выступили многие известные немецкие ученые и политики. Осо-

бенно негодовал он на нежелание «просвещенных варваров» видеть в России равное им демократическое государство с собственной политической и правовой культурой. Думается, что культурное высокомерие западных соседей возмущало ученого даже больше, нежели их настойчивое желание расчленить в случае победы территорию России. От победившей Германии, как считал ученый, «ни русскому либерализму, ни идее народного самоуправления» не приходило ждать ничего хорошего. Напротив, победа стран Антанты сулила грядущее торжество либеральным ценностям и отечественному парламентаризму [11, с. 557–560].

Даже привлечение новых союзников (США и Япония) Ковалевский рассматривал через призму «водворения в мире порядка, основанного на признании принципа равенства государств и права народов на самоопределение своих политических судеб» [7, с. 350–351]. Он призывал к общему единению и политической солидарности перед нависшей над Россией угрозой потери национально-государственной целостности. Предостерегал ученый и от заключения сепаратного мира, единственным ответом которому должно было стать «единение Государя с народом в отстаивании общего наследия предков, готовность понести все жертвы, каких может потребовать сохранение для нации свободы управлять собственными судьбами» [6, с. 343–344]. Можно согласиться с оценкой А.Х. Матиевой, указавшей, что взгляды ученого на Первую мировую войну отличались двойственностью и непоследовательностью. Он одновременно рассматривал начавшийся конфликт и как чудовищную катастрофу, и как позитивный импульс к социально-экономическому и политическому развитию России [21, с. 23].

В заключение следует отметить, что миротворческие взгляды М.М. Ковалевского были тесно связаны с его социологической теорией солидарности. Человеческий прогресс, который он рассматривал как поступательное расширение солидарности и зоны замирения, неизбежно должен был привести к осознанию необходимости политической интеграции. Государственные альянсы и федеративные образования, находившиеся на высоком уровне развития демократии и право-

вой культуры, в конечном счете, объединились бы в международный союз, в котором все возникавшие проблемы разрешались бы мирным путем. Ученый сыграл важную роль в становлении пацифистского движения в России, поддерживая его своим высоким научным и нравственным авторитетом. Вместе с тем в миротворческих взглядах Ковалевского имелось немало противоречий. Патриот и государственный нередко брали в нем верх над противником войны. Особенно ярко эта двойственность проявилось в период конфликтов на Балканах и Первой мировой войны, когда ученый твердо и последовательно отстаивал необходимость защиты своего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование было осуществлено в 2013–2014 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-01-00203.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годичное собрание СПб. Отделения Общества Мира, 12 марта 1913 г. // Вестник мира (Le Massager de la Paix) : Орган междунар. права и культуры. – 1913. – № 4. – С. 21–28.
2. Илюхина, Р. М. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. : (Становление и деятельность российских обществ мира) / Р. М. Илюхина, С. Д. Сдвижков // Долгий путь российского пацифизма : Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. – М. : ИВИ РАН, 1997. – С. 179–201.
3. Ковалевский, Е. П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям / Е. П. Ковалевский // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг. : Артист. заведение т-ва А. Ф. Маркс, 1917. – С. 5–47.
4. Ковалевский, М. М. Вторая балканская война / М. М. Ковалевский // Вестник мира (Le Massager de la Paix) : Орган международного права и культуры. – 1913. – № 5. – С. 1–8.
5. Ковалевский, М. М. Германцы против англичан / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1915. – № 5. – С. 265–296.
6. Ковалевский, М. М. Иностранное обозрение / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1915. – № 9. – С. 342–350.
7. Ковалевский, М. М. Иностранное обозрение / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1915. – № 10. – С. 346–360.
8. Ковалевский, М. М. Мир / М. М. Ковалевский // Запросы жизни. – 1911. – № 11. – С. 4–5.
9. Ковалевский, М. М. Мораль Толстого / М. М. Ковалевский // София : Рукопис. журн. О-ва ревнителers рус. философии. – Вып. 4. – 2002. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://virlib.eunnet.net/sofia/04-2002/text/0410.html> – Загл. с экрана.
10. Ковалевский, М. М. Моя жизнь : Воспоминания / М. М. Ковалевский. – М. : РОССПЭН, 2005. – 784 с.
11. Ковалевский, М. М. Национальный вопрос и национализм / М. М. Ковалевский // Вопросы мировой войны : сб. Ком. по устройству этап. лазарета им. Высш. учеб. заведений Петрограда / под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. – Пг. : Право, 1915. – С. 549–561.
12. Ковалевский, М. М. Освободительное движение на Балканах / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1912. – № 11. – С. 321–330.
13. Ковалевский, М. М. Поход нашей высшей палаты против пацифизма / М. М. Ковалевский // Вестник мира (Le Massager de la Paix) : Орган международного права и культуры. – 1913. – № 3. – С. 47–54.
14. Ковалевский, М. М. Прогресс / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1912. – № 2. – С. 225–260.
15. Ковалевский, М. М. Пуническая верность / М. М. Ковалевский // Вестник мира (Le Massager de la Paix) : Орган международного права и культуры. – 1913. – № 5. – С. 11–14.
16. Ковалевский, М. М. Современные социологи / М. М. Ковалевский. – СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеев, 1905. – 413 с.
17. Ковалевский, М. М. Социология. В 2 т. Т. 1. Социология и конкретные науки в обществе. Исторический очерк развития социологии / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 300 с.
18. Ковалевский, М. М. Социология. В 2 т. Т. 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности / М. М. Ковалевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 296 с.
19. Ковалевский, М. М. Судьбы Балкан / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1913. – № 1. – С. 197–223.
20. Ковалевский, М. М. Судьбы Бельгии / М. М. Ковалевский // Великая война в образах и картинках. – Вып. VIII. – М. : Изд. Д. Я. Маковского : Тов. изд. А. И. Мамонтова, 1915. – С. 367–370.
21. Матиева, А. Х. Петербургский пацифист М. М. Ковалевский / А. Х. Матиева // История Петербурга. – 2003. – № 6 (16). – С. 22–24.

22. Сдвижков, Д. А. Идеи ненасилия в образованных слоях Германии и России накануне Первой мировой войны / Д. А. Сдвижков // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни (исторический ракурс). – М. : ИВИ РАН, 2000. – С. 131–153.

23. Хайлова, Н. Б. Максим Максимович Ковалевский / Н. Б. Хайлова // Избранные труды : в 2 ч. / М. М. Ковалевский. – Ч. 1. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 5–52.

REFERENCES

1. Godichnoe sobranie SPb. Otdeleniya Obshchestva Mira, 12 marta 1913 g. [Annual Meeting of St. Petersburg Branch of the Society of Peace. March 12, 1913]. *Vestnik mira (Le Massager de la Paix)*. *Organ mezhdunarodnogo prava i kultury*, 1913, no. 4, pp. 21-28.

2. Ilyukhina R.M., Sdvizhkov S.D. Rossiyskiy patsifizm i zapadnoe mirotvorchestvo v nachale XX v. (Stanovlenie i deyatelnost rossiyskikh obshchestv mira) [Russian Pacifism and Western Peacekeeping at the Beginning of 20th Century (Formation and Activity of Russian Societies of Peace)]. *Dolgiy put rossiyskogo patsifizma : Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii* [Long Way of Russian Pacifism: the Ideal of International and Inner Peace in the Religious and Philosophical, and Social and Political Thought of Russia]. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 179-201.

3. Kovalevskiy E.P. Cherty iz zhizni Maksima Maksimovicha po semeynym i lichnym vospominaniyam [The Features From Maxim Maximovich' Life in Family and Personal Memories]. *M.M. Kovalevskiy. Uchenyy, gosudarstvennyy i obshchestvennyy deyatel i grazhdanin* [M.M. Kovalevsky. Scientist, Statesman, Community Leader and Citizen]. Petrograd, Artist. zavedenie t-va A.F. Marks Publ., 1917, pp. 5-47.

4. Kovalevskiy M.M. Vtoraya balkanskaya vojna [Second Balkan War]. *Vestnik mira (Le Massager de la Paix)*. *Organ mezhdunarodnogo prava i kultury*, 1913, no. 5, pp. 1-8.

5. Kovalevskiy M.M. Germantsy protiv anglichan [The Germans Against the British]. *Vestnik Evropy*, 1915, no. 5, pp. 265-296.

6. Kovalevskiy M.M. Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Vestnik Evropy*, 1915, no. 9, pp. 342-350.

7. Kovalevskiy M.M. Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Vestnik Evropy*, 1915, no. 10, pp. 346-360.

8. Kovalevskiy M.M. Mir [Peace]. *Zaprosy zhizni*, 1911, no. 11, pp. 4-5.

9. Kovalevskiy M.M. Moral Tolstogo [Tolstoy's Morality]. *Sofiya: Rukopisnyy zhurnal obshchestva revniteley russkoy filosofii*, 2002, iss. 4. Available at: <http://virlib.eunnet.net/sofia/04-2002/text/0410.html>.

10. Kovalevskiy M.M. *Moya zhizn : Vospominaniya* [My Life : Memories]. ROSSPEN Publ., 2005. 784 p.

11. Kovalevskiy M.M. Natsionalnyy vopros i natsionalizm [The National Question and Nationalism]. *Voprosy mirovoy voyny* [The Issues of World War]. Petrograd, Pravo Publ., 1915, pp. 549-561.

12. Kovalevskiy M.M. Osvoboditelnoe dvizhenie na Balkanakh [The Emancipatory Movement in the Balkans]. *Vestnik Evropy*, 1912, no. 11, pp. 321-330.

13. Kovalevskiy M.M. Pokhod nashey vysshey palaty protiv patsifizma [The Campaign of Our Higher Chamber Against Pacifism]. *Vestnik mira. (Le Massager de la Paix)*. *Organ mezhdunarodnogo prava i kultury*, 1913, no. 3, pp. 47-54.

14. Kovalevskiy M.M. Progress [Progress]. *Vestnik Evropy*, 1912, no. 2, pp. 225-260.

15. Kovalevskiy M.M. Punicheskaya vernost [Punic Fidelity]. *Vestnik mira. (Le Massager de la Paix)*. *Organ mezhdunarodnogo prava i kultury*, 1913, no. 5, pp. 11-14.

16. Kovalevskiy M.M. *Sovremennyye sotsiologi* [Modern Sociologists]. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1905. 413 p.

17. Kovalevskiy M.M. *Sotsiologiya. V 2 t. T. 1. Sotsiologiya i konkretnyye nauki v obshchestve. Istoricheskiy ocherk razvitiya sotsiologii* [Sociology. In 2 vols. Vol. 1. Sociology and Specific Sciences in Society. The Historical Sketch of Sociology Development]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1910. 300 p.

18. Kovalevskiy M.M. *Sotsiologiya. V 2 t. T. 2. Geneticheskaya sotsiologiya ili uchenie ob iskhodnykh momentakh v razvitiy semyi, roda, sobstvennosti, politicheskoy vlasti i psikhicheskoy deyatelnosti* [Sociology. In 2 vols. Vol. 2. Genetic Sociology, or the Doctrine of Original Moments in the Development of Family, Generation, Property, Political Power and Mental Activity]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1910. 296 p.

19. Kovalevskiy M.M. Sudby Balkan [The Fates Of The Balkans]. *Vestnik Evropy*, 1913, no. 1, pp. 197-223.

20. Kovalevskiy M.M. Sudby Belgii [The Fates Of Belgium]. *Velikaya vojna v obrazakh i kartinkakh* [The Great War in Images and Pictures]. Moscow, D.Ya. Makovskiy Publ., 1915, iss. 8, pp. 367-370.

21. Matieva A.Kh. Peterburgskiy patsifist M.M. Kovalevskiy [St. Petersburg Pacifist M.M. Kovalevsky]. *Istoriya Peterburga*, 2003, no. 6 (16), pp. 22-24.

22. Sdvizhkov S.D. Idei nenasiliya v obrazovannykh sloyakh Germanii i Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Idea of Non-Violence in Educated Circles of Germany and Russia on the Eve of

the First World War]. *Nenasilie kak mirovozzrenie i obraz zhizni (istoricheskiy rakurs)* [Non-Violence as a Worldview and Way of Life (historical aspect)]. Moscow, IVI RAN Publ., 2000, pp. 131-153.

23. Khaylova N.B. Maksim Maksimovich Kovalevskiy [Maxim Maximovich Kovalevsky]. *Izbrannye Trudy : v 2 ch.* [Selected works. In 2 Parts]. ROSSPEN Publ., 2010, part 1, pp. 5-52.

PEACE-MAKING IDEAS BY M.M. KOVALEVSKY AT THE BEGINNING OF 20th CENTURY

Nikolaev Nikolay Yuryevich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Philosophy,
Volzhsky Institute of Humanities, Branch of Volgograd State University
e-mail: nikcam@mail.ru
40 let Pobedy St., 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The article reveals the peace-making ideas of famous historian, sociologist and lawyer M.M. Kovalevsky at the beginning of 20th century and analyzes the sociological conception of solidarity which served as the basis for his views on war and peace. He considered social progress as broadening of solidarity sphere which was unavoidably promoted to the consciousness of political integration society. The scientist approximately compared the progress with concentric circles which embodied of uninterruptedly widening human solidarity. The final stage of social and political development should be the creation of national and federal unions, which in their turn would unify in international union. The union built on the principles of democracy and observance of international right standards was destined not only to keep and to ensure the common peace, but also to promote the development of international trade and industry.

Kovalevsky played important role in building the peace-making movement in Russia by supporting it with his high scientific and moral authority. In particular, he headed the St. Petersburg's peace society, established in 1909. Besides, there were a lot of contradictions in his peaceful views. Being the patriot and supporter of the state, the scientist was very far from peace when Russian national interests were taken into account. This contradiction was clearly revealed during Balkan's conflict (1912–1913) and the First World War.

Key words: war, peace, militarism, pacifism, peace-making.